

Москва София

[сборник
рассказов]

Мария Малухина

16+

Мария Малухина
Москва – София

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Малухина М.

Москва – София / М. Малухина — «ЛитРес: Самиздат», 2019

«Москва – София» – это сборник рассказов, посвященных жизни в двух странах – России и Болгарии. В части «Москва» – короткие истории из жизни обитателей большого мегаполиса. Трагические и смешные, серьезные и даже иногда мистические, они отражают нервный, пульсирующий ритм «лучшего города Земли». Часть «София» – отклик с другого полюса. Размеренные и излечивающие, трогательные и печальные, но всегда неизменно дающие надежду, эти истории о тех же людях, но с совсем другого ракурса. Автор сборника, уроженка Москвы, в последние четыре года живет в Софии и любит эти два противоположных, но в чем-то невероятно похожих мира одинаково сильно.

© Малухина М., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

МОСКВА

Мироносица

Маша приехала к дому Джоша только через четыре дня. Джош – дурацкая кличка, откуда-то из старшей школы, никто уже точно не помнил, как она появилась. То ли потому, что он был похож на популярного тогда и совсем потом куда-то пропавшего голливудского красавца Джоша Хартнетта, то ли потому что любил говорить не «что ж», а «штош». Штош – Джош. Кто ж его знает.

Узнала она из фейсбука, как все сейчас узнают. Даже и не поняла сначала. «Не может быть». «Как жаль». «Сердце разбито, плачу». Свечки эти бесконечные у всех одноклассников. Никто, главное, не написал, что случилось. И с кем. Только в комментариях у кого-то, наконец, всплыло. Джош. Из окна. Гостиничного номера своего я телевизор выкинул на авто. Была такая песня Нойза, и Джош тем белозубым летом орал ее под гитару.

Тут же появился общий чатик с реквизитами карточки Джошевой мамы. Маша кинула туда пятьсот рублей. Маша не плакала, и какая-то ее часть, которая оставалась холодной и ехидной, думала, что вот, всегда так с Джошем. Как будто они опять плывут до буйка, в те самые счастливые два дня, и их разделяют волны, и голова Джоша, как тот буюк, то всплывает, то ныряет куда-то вниз. Так и теперь, между ней и смертью Джоша как будто заградительные волны, и до нее никак не дойдет, что надо заплакать, и что Джоша больше никогда не будет.

А она хотела ему написать. За день до, но это сейчас мы знаем, что это был день до, а тогда просто посреди недели Джош вдруг добавил ее в друзья. Через десять лет. Маша подумала-подумала, и закрыла приложение на телефоне. А потом вечером, когда она выпила два с половиной бокала вина, она приняла запрос и открыла чат. Хотела написать, но не понятно было, как начать. «Ну, привет, Джош». «Как дела, Джош». «Ты сказал мне тогда, Джош, что с жизнью надо справляться. Иначе жизнь справится с тобой. Она не справилась, она расправилась, Джош. Такие дела, Джош. А ты, ты-то как, Джош?» Но потом зачем-то заварила себе крепкий черный чай, и вино ушло куда-то далеко, и она не стала ничего писать.

Общий чатик исходил версиями. Версий, впрочем, было всего две. Первая начиналась с «ну, это же Джош», и предполагала галлюциноз. Вторая, которая, впрочем, начиналась совершенно так же, склонялась в сторону суицида. Никто точно не знал, как жил Джош последние годы. Вроде, закончил универ, вроде, работал, вроде, была девушка. Это Алиса написала. Про девушку.

Тем летом после выпускных экзаменов они почти всем классом махнули в Крым. Спорили до хрипоты о преимуществах украинской Мивины над Роллтоном и Дошираком, пили местное молодое вино, которые продавщицы отпускали им, даже не думая взглянуть на паспорт, курили либо Мальборо с Лаки Страйком – из-за, как говорил Джош, аутентичного дизигна, – либо привезенный блоком из Москвы вишневым уничтожитель легочной ткани Кэптан Морган.

Они сняли домик на всю компанию, – и как только хозяйка не испугалась стаи семнадцатилетних, – и вечерами смотрели фильмы с Джошева жесткого диска. Там вообще все вертелось вокруг Джоша, лучшие шутки, лучшие алко-коктейли, лучший артхаус. Другие парни, конечно, там тоже были, но лето было Джошем. Белозубым, с темной челкой и такими карими, что почти черными глазами.

Семнадцатого июля, Маша помнила, что именно семнадцатого вечером они смотрели «Девственницы-самоубийцы» с Кирстен Данст и Джошевым голливудским тезкой.

- Уже не девственницы, – шепнул Джош ей на ушко в четыре утра восемнадцатого июля.
- Еще не самоубийцы, – шепнула она в ответ.
- Не зарекайся, – ухмыльнулся Джош.

Да-да, не зарекайся, Джош.

Восемнадцатое и девятнадцатое июля, пожалуй, были самыми счастливыми днями Машиной жизни. А двадцатого он трахнул Алису. На втором этаже, прямо над гостиной, в которой все шумно и весело играли. Город засыпает, просыпается мафия. Маша открыла глаза, она была мафией. «Кого убиваем?» – спросил ведущий Игорь. В наступившей тишине вдруг стало слышно то, что происходило над ними. В комнате недоставало только двоих.

– Сейчас увидим, – очень бодро сказала Маша, и рванула наверх. Игорь метнулся за ней. Мало ли.

А вечером, когда все ушли на дискотеку, а она осталась, Маша украла из сумки Джоша бутылек с парфюмом. Это был тяжелый, какой-то совсем не подростковый запах, который на удивление ему шел. От его кожи пахло песком, зыбким полуденным воздухом и какими-то неопределимыми благовониями. Маша брызнула себе на запястье, и на ней духи раскрылись чистым ладаном, душным запахом детства и страха. Бабушка таскала ее в церковь, а Машу очень пугала массивная позолота и курящиеся у икон лампадки. То ли она неправильно поняла бабушку, то ли детское воображение само выдало такой сюжет, но Маше казалось, что церковь – только для отпеваний, а, значит, там всегда лежат покойники, и каждый раз ребенком попадая внутрь она начинала нервно оглядываться и искать мертвое тело.

А потом Маша разбила пузырек о край ванны и попыталась порезать вены. Попыталась, потому что было очень больно, и она испугалась после первого же глубокого пореза и заметалась по ванной комнате, пытаясь остановить кровь и наматывая на порезанное запястье туалетную бумагу.

Он не за ней вернулся, нет, он просто забыл телефон, но пошел на шум, и кинулся, кинулся отклеивать размокшую красную туалетную бумагу, промывать рану под холодной водой и мазать ее зеленкой.

– Почему? – редела Маша, пока он заклеивал криво намотанные бинты пластырем, для надежности. – Почему сейчас, Джош?

– Это жизнь, Маш. С жизнью надо как-то справляться, иначе жизнь справится с тобой.

Он больше с ней вообще не разговаривал. И за десять лет, с кем бы Маша ни просыпалась, с кем бы ни ездила на теплые и холодные моря, никогда не было такого счастья, как в те два дня. А пять дней назад он зачем-то добавил ее в друзья на фейсбуке. И ничего не написал. И Маша ничего не написала.

Она приехала под выплунувшие его окна только через четыре дня. В это время его хоронили на каком-то далеком загородном кладбище, и весь чатик был там, с цветами и венками. Кто-то написал этот адрес, хотя поминки были в ресторане, и этот адрес не имел никакого значения. Мол, там он выпал, на съемной квартире. Просто для общей информации.

За четыре дня, конечно, все убрали. Интересно, кто отмывал его кровь с тротуара? Коммунальные службы? В то лето на жестком диске у Джоша был какой-то американский мало-бюджет, спродюсированный Тарантино, где главная героиня работала в клининговой фирме, которая отчищала дома после особо кровавых преступлений. А тут, наверное, таджик какой-то. Ядреная краска на заборчиках летом. Потом прелые листья осенью. А потом кровь Джоша. С жизнью надо как-то справляться.

Теперь было не понять, куда он упал, поэтому Маша разбрызгивала духи по всему ухоженному палисадничку у подъезда. Если бы дело было летом, Джош своим падением точно поломал бы какой-нибудь ответственной пенсионерке все маргаритки и флоксы. А так просто голая земля. Флакон стоял на полках девять лет, она накопила на эти духи только через год после того лета. Он переезжал с ней вместе с квартиры на квартиру, но через девять лет был почти таким же полным, как сразу после покупки. Она брызгалась ими только пару раз, в безумной пьяной надежде, что духи наконец снизойдут до нее, но аромат упрямылся, и на следующее похмельное утро Маша бежала смывать с себя страшный и душный запах ладана.

Маша так яростно нажимала на холодный металл пульверизатора, что у нее заболел палец, но она продолжала пшикать на землю вокруг себя, пока не закончилась вся сотка, весь флакон. Заиндевелая земля и морозный воздух как будто съели весь запах, забрали его, закрыли его в себе, и не пахло вообще ничем. Маша бросила флакон на землю и пошла к машине.

Было уже поздно ехать на кладбище, и совсем не хотелось в ресторан. Значит, домой. В морозилке куриные ножки, если кинуть в горячую воду, часа за полтора разморозятся. Или вообще пиццу заказать. Все равно, правда, надо в Перекресток заехать, коту совсем есть нечего и молока даже на одну чашку кофе не хватит. Пиццу можно и мороженую там купить.

Маша уже залезла на водительское сидение, и почти закрыла дверь, но вдруг он возник, донесся до нее, почти призрачный, такой знакомый, казалось бы, должен был забыться за десять лет, но с полусекунды, полувдоха угаданный, узнанный, снизошедший.

Где-то в черноте земли, в холоде, в смерти он соединился с Джошем, с невытертой таджиком каплей крови и выдал на-гора, последним приветом песок, полуденный дрожащий воздух и легкие неопределимые благовония.

Почему сейчас, Джош?

Это жизнь, Маш.

Вот тут-то она и заплакала.

Лучшие половины

«Этот мир придуман не нами, этот мир придуман не мной...» – грустно звенела Пугачева из динамиков. Видимо, Катерина как-то слишком явно покосилась на магнитола, – водитель Убера моментально потянулся переключить на другую станцию.

– Нет, оставьте, – остановила его Катерина.

Дурацкое имя. Просто отвратительное. Потеряло где-то свою начальную «Е», и теперь то ли мечта мушкетера, то ли польская путана. Но такие правила, никуда не денешься. Действительно, «придуман не нами».

Перед ней на экране закрепленного на передней панели планшета был виден весь маршрут до отеля, но она зачем-то открыла карту на своем телефоне, и смотрела поочередно на обе. Она не боялась, что Убер привезет ее куда-то не туда. Скорее, что привезет точно в место назначения.

Она и в отелях-то таких никогда не останавливалась. Ну, то есть, где-нибудь в Азии, да. Там пять звезд легко себе позволить. Когда это было? Пять? Шесть лет назад? Тогда им с Игорем удалось совпасть отпусками и рвануть на Бали почти на месяц. В другой жизни. Все в другой жизни. А в Москве она вообще никогда не останавливалась в отелях. Никто же не останавливается в гостиницах родного города, если только не... Ну, вот, опять. Завела шарманку. Так. Выключить мозг, глаза на экран. Время до прибытия в пункт назначения – меньше одной минуты, вот и водитель уже становится на аварийках у самого входа в отель.

– Там у вас в приложении отразилось, что наличными? – водитель кивнул, и Катерина протянула ему пару вытащенных из кошелька бумажек.

Она открыла дверь машины и скользнула на улицу, а потом, почти сразу, через крутящиеся двери в отделанный мрамором роскошный вестибюль отеля на одной из окол Кремлевских центральных улиц.

– Решил, видимо, гулять так гулять, – нервно подумала Катерина и подошла к стойке рецепции.

Она боялась, что будет неловко, что придется что-то объяснять, краснеть под насмешливыми все-с-тобой-милочка-понятно взглядами, но стоило ей назвать свое (а точнее, не свое)

имя, как вышколенная девушка направила ее в лаунж-бар на крышу. В лифт – и на последнюю кнопку. Как сказала вышколенная, там Катерину ожидали.

Катерина не удержалась, посмотрела на себя в огромное лифтовое зеркало, хотя, выходя из дома, зачем-то пообещала себе, что в зеркала смотреться не будет. Она давно себя такой не видела. После аварии – так точно. Как будто ничего и не было. Как будто жизнь пошла по какой-то другой, параллельной колее, в которой она счастливая и красивая, правда ведь, красивая. С укладкой, в простом черном платье, с крошечными бриллиантами в ушах. Подарком Игоря на пятую годовщину. В таком виде она могла бы возноситься в бар на крыше шикарного отеля, чтобы отмечать шестую, седьмую, восьмую годовщину. Там за барной стойкой ее ждал бы Игорь. Без пиджака – ему всегда жарко, заказал себе бокал красного, а на барном стуле рядом с ним – букет ее любимых лилий. Нет, стоп. Никаких лилий. Никакого Игоря. Ничего этого больше нет. Есть только здесь и сейчас. Она же за этим приехала. Здесь и сейчас.

Катерина вышла из лифта в просторное пространство бара на крыше. Летом, когда открывают террасы, здесь, наверное, можно проводить дни и ночи вообще никуда не вылезая, просто развалиться на одном из мягких диванчиков и бездумно вливать в себя один коктейль за другим. Но даже сейчас, в середине октября, когда стеклянные окна и крыша плотно закрыты, отсюда открывается невероятный вид. Там, за прозрачными стенами, дышит и бьется Москва, качает кровь, деньги и чьи-то силы. Катерина замерла на секунду, ее поймал этот момент, этот вид отчаянно пульсирующего за окном города, и она подумала: «Здесь. Сейчас. Надо жить. Надо просто жить».

Был будний день, и в баре пока что было немного народу, тем более, не так еще и поздно, – усталые бизнесмены подтягиваются ближе к полуночи. Правда, за барной стойкой с интервалом в несколько стульев уже сидело двое таких, усталых. Дорогие костюмы и обувь, приличные часы. Обоим за сорок. Один потягивает из квадратного стакана виски. Другой хлюпает сквозь трубочку совершенно с ним не вяжущимся тропическим девчочковым коктейлем.

Катерина решительно направилась к этому, с коктейлем. Села на соседний стул. Сняла пальто. Никаких лилий. Никаких цветов. Ну, а чего ты хотела?

– Георгий, да?

Мужчина повернулся к ней, улыбнулся. Зря она боялась. Симпатичный. Подвижное лицо, умные, серые глаза с морщинками в уголках. Любит смеяться, наверное.

– А вы, я так понимаю, Катерина?

– Точно, – Катерина жестом подозвала полирующего на другом конце стойки бокалы бармена. – Хорошо, что вы меня предупредили... Ну, что любите дамские коктейли.

– Может, сразу на ты? – предложил Георгий.

– Окей! Так вот, я бы вас... тебя, в смысле, никогда бы иначе не узнала. Ну, кто из вас кто, – Катерина кивнула головой на их соседа с бокалом виски.

Георгий обернулся, чтобы рассмотреть второго мужчину.

– Мне один Космополитен, пожалуйста, – попросила Катерина подоспевшего бармена.

– Ну, по крайней мере, моя фруктовая фигня хоть немного отличает меня от этого ходячего клише «усталого бизнесмена».

– Вот, я как раз так про себя вас двоих и назвала.

– То есть, фруктовая фигня мне в твоих глазах, получается, не помогла?

– Нет, не очень, – улыбнулась Катерина. Бармен поставил перед ней длинный стакан с крепким коктейлем. Она потянула немного через соломинку. – Ну, а допустим, если бы помогла. Если ты не клише «усталого бизнесмена», то какое тогда? – спросила она у Григория.

– Может, я вообще не клише?

Катерина преувеличенно комичным жестом, мол, все мы, друг, клише, пожала плечами, и сделала еще один глоток.

– Ну тогда ты мне и расскажи, – отозвался Георгий. – Ты же наверняка уже успела на меня навесить какой-нибудь ярлык? Да ладно, не стесняйся, все так делают. Я в том числе.

– Да? Ну, и какой у меня ярлык? – поинтересовалась Катерина.

– Слишком красивая.

– Ну-у-у, это уж совсем ленивый комплимент. Не засчитываю, – поддела Катерина собеседника.

– И ты в первый раз, – Георгий знал, что попал в точку. – Я же угадал, да?

– А что, настолько очевидно? – тут же напряглась Катерина.

– Да нет, не настолько. Это я с позиции опыта. Ну, теперь твоя очередь.

– Ты привлекательнее, чем я ожидала. И мне от этого спокойно.

Георгий молча кивнул в ответ.

– Но борзый. И от этого мне не спокойно.

Мужчина расхохотался.

– Борзый! Слово-то какое. Как из детства. Класс! Мне нравится. Ладно, прекрасная дама, выпьем за хороший вечер?

Они чокнулись своими разноцветными коктейлями. И выпили.

***

Стены коридора кренились, сужались и расширялись, а они все никак не могли добраться до своего номера. У Катерины было какое-то дежа вю, пионер-, а, впрочем, уже не пионер, а просто летний лагерь в конце девяностых, все перепились дешевыми коктейлями из баночек, и пробираются в ночи обратно по бесконечным коридорам совкового санатория, громко шипя друг на друга, стараясь не разбудить вожатых, но каждые несколько секунд сбиваясь на хохот.

Они с Георгием шли в обнимку, она сняла шпильки еще на выходе из лифта и несла их в руках, и плотный ворс ковровой дорожки съедал звук их шагов.

– Черт, да где они? – Георгий пытался найти по карманам ключи от номера. – Так... сейчас. Не, не в этом... Вот! Номер какой у нас тут? Четыреста шесть.

– Подожди, а мы разве не на третьем этаже?

– Нет, смотри, все номера на четыре. Четыреста четыре, четыреста пять.... О-оп. Четыреста шесть! Приехали!

Георгий приложил карточку к электронному замку, и они, толкаясь и хохоча, ввалились номер. Он потянулся было включить свет, но Катерина поймала его руку в последний момент.

– Нет. Не надо.

– Не надо, так не надо.

Георгий поцеловал ее. Точнее, начал целовать так быстро, так внезапно, что она растерялась, отстранилась.

– Извини... Извини, пожалуйста, – забормотала Катерина. – У меня давно... Понимаешь... Не так быстро.

Георгий взял ее за руку.

– У меня самолет через пять часов, – он не был раздражен или удивлен, говорил спокойно, как будто объяснял сложную задачу маленькому ребенку. – У нас не так много времени. Если ты чего-то хочешь, это должно произойти сейчас. Если передумала – ничего страшного. Ты можешь уйти, это твое полное право. Я не оставлю тебе плохой отзыв, не понижу рейтинг, ничего такого. У меня тоже был первый раз, это тяжело. Я чудом не свалил тогда. Так что если что, я пойму.

Катерина улыбнулась.

– Спасибо. Я остаюсь.

– Точно?

– Точно.

Были поцелуи быстрые и медленные, и одежда летела на пол и на стулья рядом с кроватью. На Катерине было черное белье, дорогое, вчера только купленное, сложносочиненное, с корсетом на крючках, и его пальцы скользили по кружевам, расстегивали крючки на спине, скользили по всему телу, по ребрам, по рукам, по бедрам, по животу... и замерли, черт, замерли там, на ее шраме, страшном мясницком шраме разделанной туши, который шел через весь живот. Шраме, который она так хотела скрыть темнотой и кружевом.

Она дернулась, села на кровати, зажалась, скрестила на животе руки, прикрывая свое уродство.

– Я...я...должна была, конечно, указать в своем профиле... Это, наверное, нарушение правил, да? – зачастила Катерина. – Я просто боялась, что иначе никто не захочет... Но это шрам! Только шрам. После аварии. Мы с мужем были вместе в машине. Он... ну, ты знаешь, что он. А мне повезло – только шрам остался. Все остальное в полном порядке. Абсолютно целое. Как должно быть!

Она готова была зареветь.

– Но...это, конечно, моя вина. Ты должен был знать и ... ну... иметь право отказаться до...

– Если все остальное в полном порядке... – Георгий придвинулся к ней, обнял напряженную, как будто замершую в ожидании удара спину, – Если все остальное в порядке, то твой шрам меня совершенно не волнует.

***

Когда Катерина вышла из душа – раскрасневшееся лицо, капельки воды на счастливом, расслабленном теле, Георгий был уже почти одет. Он сидел на кровати и застегивал на себе свежую, явно выглаженную где-то в услужливых отельных недрах рубашку.

– Классный у них душ, да? – подмигнул он Катерине.

– Отличный. Как на массаж сходила.

Она начала поднимать с пола одежду, и, собрав все нужные части гардероба, укрылась за дверцей шкафа и начала одеваться.

– Эй! – она поймала в зеркале на противоположной стене взгляд Георгия. – Не подглядывай!

– Больно надо! – засмеялся мужчина. – Все, что я хотел, я уже увидел.

– Так... – Катерина немного замаялась, но продолжила. – Так как ты тут оказался? В смысле, не тут, а вообще...

– Что, любопытно? Вот забавно, каждый божий раз после всего веселья люди всегда задают этот вопрос. Как это у англичан? Любопытство кошку сгубило.

– Ну я-то с тобой поделилась, хоть так-то не планировала.

– У моей жены был рак груди.

– Сочувствую, – тихо и серьезно ответила Катерина.

– Да нет, не сочувствуй. Она в ремиссии, вроде все стабильно. Отлично, в общем, все. Только груди у нее нет. Вообще. Вот тут вот, – Георгий показал на грудь, – вообще ничего нет. Одну с опухолью вырезали, вторую хотели оставить, но в итоге превентивно тоже того. Прогнозы там им не понравились. Хотя нет, про то, что ничего нет – это я вру. Она себе тату недавно сделала. Увидела в интернете какой-то проект западный, где женщинам после этих операций татуировки делали, чтобы шрамы скрыть. Ну и она себе сделала. Цветочки, лианы какие-то. Вот так.

– Ясно, – вздохнула Катерина.

– Ты не подумай, я не совсем мудак. А то я расшипелся тут, ядом сиюю плюю. Но это так, воздух сотрясти. Я ее люблю. Она прекрасная жена. Обалденная мама. У нас двое. Пацаны. Вообще, просто человек хороший.

Катерина вышла из-за дверцы шкафа. Она успела одеться, и теперь подошла к большому зеркалу, чтобы поправить смазавшийся в душе макияж.

– Слушай... А как ты с этим живешь, а?

– С чем это? – ухмыльнулся Георгий.

– Ну... не совсем мудак, но мудак же, да? И я мудак. И все мы мудаки. Да не мудаки даже, просто плохие люди. Вот твоя жена – хороший человек, и мой муж, он тоже хороший, а мы – нет.

– Слушай, Катерина. Это же не твое настоящее имя, да?

Она кивнула.

– Мне тоже Георгий не нравится, отвратное имя. Но это хорошо, что их от балды программа выдает. Даже не надо напрягаться, чтобы псевдоним выдумывать. Так вот, Катерина, или не Катерина, послушай. Внимательно послушай, потому что тебе это надо. Это приложение – лучшее, я тебе повторяю, лучшее, что могло произойти с нашей семейной жизнью. Ты сама подумай – разве хороший человек становится говном от того, что делает что-то плохое? Даже не плохое, просто предосудительное с точки зрения общественной морали. Посмотри на себя. Ты производишь впечатление приятного человека. Приятного и порядочного – иначе ты бы мне такие вопросы не задавала. В другой какой-то жизни, в параллельной вселенной, я бы тебя пригласил на свидание. А потом на второе. А потом мы бы съездили отдохнуть. И съехались бы вместе. И жили бы долго и счастливо. Может быть. А может, и нет. Не суть. Но в этой параллельной вселенной у тебя и у меня был бы выбор. А тут его нет. Нету его. Либо мы их бросаем – и вот тогда мы действительно, как ты выражаешься, плохие люди. Прямотаки хрестоматийные злодеи. Либо, вот, как есть. Мы же сохраняем семью, Катя, понимаешь? Потому что мы даем себе крошечную поблажку, отдушину, форточку приоткрываем, чтобы воздухом подышать. Просто пожить вне заданных обстоятельств, хотя бы пару часов. Я люблю свою жену, люблю. Но что, я, получается, монстр, если у меня на эти цветы татуированные не встает? Никак? Ни с закрытыми глазами, ни в темноте, никак, понимаешь? Я как будто гусеницу трогаю. Как в детстве, такое, вот, детское отвращение, с которым ничего не поделаешь. Я пытался перебороть, но это чистая физиология. И что? Что, я плохой человек после этого, Катя? Может, и плохой. Но я был бы еще хуже, если бы что-то ей сказал. Даже заикнулся бы по этому поводу. Вот в этом я абсолютно уверен. На все сто.

Катерина не знала, что ответить. Она просто смотрела на Георгия, на то, как под искусственным светом ламп его лицо кажется поношенным и усталым. Очень, очень усталым.

Она надела пальто и протянула, было, Георгию руку – целовать его на прощание было как-то глупо, но он поймал ее ладонь и крепко сжал в своей.

– Послушай, мы с тобой никогда больше не увидимся. Я улечу в свой город, сюда я в командировки не часто. Да и приложение второй раз нас не соединит. Но... я просто знаю, через что ты проходишь. Как тебе сейчас хреново. Потому что я это уже пережил. И я знаю, что и поговорить-то об этом не с кем. Дело даже не в том, что у приложения такая строгая политика неразглашения. Хотя, да, хорошо, что посторонних не пускают. И по сарафанному радио узнают. Но не в этом даже дело. Даже если с кем поделишься, не поймут. Не поймут, Катя. Если о «Лучших половинах» слух наружу просочится, нас же живьем сожрут. Ты представь себе заголовок из серии: «Тиндер для измен инвалидам». И ведь это действительно так. Но вот только им не понять, что для нас это – единственный способ прикоснуться к нормальной жизни. Которой у нас никогда больше не будет. Это как откусить от торта. Кусочек, махонький, на зубок. Потому что им, обычным этим хорошим, сука, людям, торт можно каждый день, а у нас диабет и аллергия на сладкое. Подумай об этом на досуге вместо того, чтобы себя жрать поездом. Я на это потратил первые пару месяцев в «Половинах», а тебе вот, это, бесплатный совет даю. Основанный на собственном опыте.

Он сжал ее руку еще раз и отпустил.

– Спасибо, – сказала Катерина. – За всё.

Хоть уходила она уже в своих туфлях на высоком каблуке, ковровая дорожка все равно съедала звук ее шагов. Как будто ее здесь никогда и не было.

***

Обратный Убер она заказала не до дома, а до соседней с ним улицы. Не из конспирации – какая тут конспирация, а чтобы зайти в кондитерскую. Кондитерская была крошечная, для своих – для жителей окрестных домов, но продавалось в ней на удивление много всего, и Катерина набрала разного, по чуть-чуть. Кусочек медовика, кусок шоколадного торта, пять разных эклеров, малиновый бисквит, лимонная меренга, фруктовые корзинки и несколько разноцветных макарон.

Шурша пластиковыми коробками в пакете, Катерина зашла в квартиру. В ней стоял сырой, чистый дух влажного паркета, значит, домработница ушла совсем недавно. Не снимая пальто, она прошла в гостиную. Шторы задернуты, и ни свет фонарей, ни шум машин сюда не доходит. Перед огромным плазменным телевизором – глубокое мягкое кресло. Рядом с ним – инвалидная коляска, теперешний ежедневный кошмар.

По телевизору какая-то сложно узнаваемая американская комедия из девяностых. Они все похожи – «Когда Гарри встретил Салли», «Неспящие в Сиэтле». Что-то такое.

– Ты не спишь?

Игорь тихо замычал в ответ. Не спит. Катерина села на подлокотник кресла, осторожно погладила страшную, обожженную щеку. Ему уже не больно, но к этому сложно привыкнуть. Такой ожог – он почти везде. Все тело – один большой ожог. Один большой шрам. Одна большая беда.

– Я так и знала, что ты не спишь. Я тебе всякого вкусного принесла. Набрала ерунды всякой, будем пробовать и жиреть. Сейчас покажу.

Какой там жиреть – он худой, как палка, несмотря на минимум физической активности. Ноги-то всё. Вообще всё. И если бы он набрал хотя бы пару кило, был бы какой-то прогресс. Но прогресса пока нет.

В кармане пальто бикнуло, и Катерина вытащила телефон.

– О, Лиза пишет, что славно посидели. Надо повторить. Мы и правда славно посидели. Коктейльчиков попили, поболтали.

На экране высветилось уведомление от приложения «Лучшие половины»: «Катерина, пользователь Георгий поставил вам пять звезд. Хотите оценить ваш опыт с пользователем Георгий?» Катерина провела пальцем по шкале, и отправила ему такой же рейтинг.

– Так, давай посмотрим. Значит, тут эклеры. Обычный, фисташковый, малиновый и... вроде, с миндалем. Это пирожные – тут твоя меренга любимая. Это шоколадный торт, а это медовик. Мне, чур, медовик, но могу поделиться. Хочешь?

Игорь тихо замычал в ответ. Телефон опять бикнул. На экране всплыло: «Спасибо за ваш отзыв. Начать поиск нового свидания?»

Игорь попытался поднести ко рту лимонную меренгу, но руки, изувеченные бедные руки дрожали и не слушались.

– Подожди секунду. Я сейчас.

Катерина замерла перед экраном, но это была секундная заминка. Палец опустился на зеленое «Да», и она сунула телефон обратно в карман пальто, вынула пирожное из трясущейся Игоревой руки, и поднесла его прямо к губам мужа.

– Ничего. Ничего. Ты, кстати, не знаешь, что за фильм? «Неспящие»? Там везде Мег Райан, я их вечно путаю. Так, слушай, давай я сейчас принесу с кухни вилки, и мы с тобой потихоньку со всем разделаемся. Так будет удобнее. Да? Как тебе предложение?

Игорь тихо замычал в ответ, а в кармане Катеринино пальто ответным предложением загорелся зеленый огонек телефона.

От окраины к центру

Алису все это немножечко раздражало. Под «всем этим» подразумевалась Алисина жизнь, весь ее простой и привычный, как у всех, уклад. Алису раздражало, что жизнь была как у всех, а сама Алиса была не как все. Она точно знала. Всем не удавалось к тридцати трем обзавестись мужем Егором, прекрасным во всех отношениях ребенком Тусиком (нет, не Натусиком, а Антоном, такое уж у него сложилось домашнее имя) и двумя небольшими бизнесами. Небольшими-то небольшими, а обороты росли прямо пропорционально амбициям Алисы, зубам Тусика и апатии Егора.

Алисе хотелось всего и сразу. Тусику хотелось ванильных сушек. Егору хотелось, чтобы его оставили в покое. Отцовство его почему-то не красило. Гуляя с Тусиком у Воронцовских прудов, Алиса смотрела на подтянутых папаш с колясками и не понимала, как умудрилась выйти замуж за такого тюфяка. На «тюфяке» она себя мысленно одергивала – это было мамино слово, не Алисино. Но действительно, после рождения сына Алиса молниеносно скинула на кормлении все набранные килограммы, а Егор как-то умудрился их подобрать. Мягкий, рыхлый, с полными бледными руками он теперь вызывал у Алисы какие-то тревожно-сдобные ассоциации. Непропечённое тесто. Не проткнули палочкой, не проверили, готово ли. А теперь осторожно, Алиса, не переешь – будет заворот кишок. Как в детстве пугали.

Вообще, Алису за всю жизнь по-настоящему пугали две вещи – заставка кинокомпании ВИД, эта коллективная травма поколения девяностых, и заворот кишок. Когда бабушка по праздникам пекла кулебяки с капустой, Алиса всегда умудрялась стащить кусочек сырого теста – это же самое вкусное – и бабушка, обнаружив неопровержимые улики в виде оборванного края только что идеально скатанного шара, неизменно всплескивала руками и говорила, что эта девочка, это Божье наказание, обязательно заработает себе заворот кишок.

Алиса представляла, как толстые, жемчужные кишки в ее тощем животе – такие, как она видела на картинке в анатомическом атласе, – приходят в движение и затягиваются в мертвую петлю. Чтобы распутать такую петлю наверняка надо было ехать в больницу на страшной машине скорой помощи – такая часто приезжала к бабушке, а там, там будет яркий свет, ледяной холод скальпеля и хирург из страшилок, которые рассказывал во дворе Вовка Линицкий. В черном-черном городе, в черной-черной больнице. Уххх... Алису передергивало от грандиозности последствий заворота кишок, а рука, тем временем, сама тянулась отщипнуть новый кусок сырого теста.

Теперь каждый раз, когда Егор тянулся обнять ее перед сном, из глубин подсознания всплывало что-то такое – сырое, перламутровое и хирургическое, и Алиса тихо вздыхала, ждала, пока муж заснет, и снимала с себя его рыхлую руку.

«Начать, что ли, спать отдельно?» – в такие моменты думала Алиса, но тут же представляла себе эти пары из западных детективов – богатые, неспящие вместе холеные супруги, одного из которых кто-нибудь убивал ударом в затылок. Орудием убийства обыкновенно служило пресс-папье или тяжелая статуэтка конской головы, а выжившая половина при первой встрече с детективом преспокойно попивала свой утренний кофе.

«Нет уж, проще развестись», – заканчивала мысль Алиса и включала в голове картинку пляжа и следов собственных ног, исчезающих в тяжелом мокром песке, – так она засыпала.

Развестись было не проще. Алиса точно не знала, что ее останавливало. Морока расселений, боязнь, что Тусик пострадает от их развода или какие-то засохшие остатки любви – «большой, чистой и навсегда», – которая когда-то заставила ее выйти замуж за неразговорчивого айтишника Егора.

Вечерами, уложив Тусика, Алиса устраивалась поудобнее на кухне, раздавала в мессенджерах ценные указания сотрудникам, а потом шла на женские форумы читать о том, что это все нормально. Ну, то есть, не нормально, но вполне себе как у всех.

Когда Алиса впервые увидела Сашу, она подумала: «Надо с ним замутить». И тут же одернула себя. Замутить... Тоже мне, девятиклассница нашлась. Правда, помимо стилистического недовольства глупым школьным словом, ничто в Алисином над- и подсознании не воспротивилось этой идее. Она ничего себе не представила. Ни обиженного пухлого лица Егора с капельками пота над верхней губой. Ни плач заброшенного развратной матерью малыша – Тусика. Ни маму, капающую в свою любимую зеленую чашку воняющий на всю кухню корвалол. Ничего.

Поэтому когда Саша – высокий, короткостриженный, с мощными руками и детской улыбкой – попросил ее номер телефона, она продиктовала не раздумывая. Саша был случайным рабочим партнером. Один из проектов требовал сделанную на заказ деревянную штуковину, Сашина компания делала на заказ штуковины. Вот так все просто.

Алиса думала, что они пойдут в кино, или в кафе, или в ресторан, или в клуб, или куда там люди ходят на свидания. Они с Егором были вместе почти девять лет. Она забыла, как это делается. Но Саша сразу повез ее в квартиру в Новой Москве.

То, что раньше было даже не окраиной, заокраиной – пустые поля, березовые рощи, редкие дачки и соседствующие с ними кладбища – покрылось одинаковыми новыми и чистенькими кварталами. Там были свои фитнес клубы, свои Перекрестки и Пятерочки, свои детские сады. В кварталах в основном жили семьи с маленькими детьми.

В Сашиной просторной квартире было четыре комнаты. Пока он гремел на кухне тарелками, Алиса заглянула в одну. Детская. И во вторую. Еще одна. В третьей комнате была большая кинг- сайз кровать и пушистый крупной вязки плед. На прикроватной тумбочке валялась книжка Донны Тарт. Шторы были красивые, льняные, сложного винного оттенка, явно пошитые на заказ.

Алиса аккуратно закрыла дверь спальни и поплелась на кухню.

Саша – веселый, разгоряченный, колдовал над куском мяса. «Наверное, он отлично готовит», – подумала Алиса, а вслух сказала:

– А мы прямо здесь?

– Что здесь? – отвлекся от маринада Саша.

– Я здесь не могу, – сказала Алиса и села на стул. – Ну... У тебя жена же, да? Дети.

– Так у тебя ж тоже! – возразил Саша.

– Да, но я же... Я же не это... – скисла Алиса, не закончив предложение.

– Алис, я не понял, в чем проблема?

– Поехали куда-нибудь, а? – попыталась все исправить Алиса.

С фотографии, прищипленной магнитом на холодильник, на нее смотрела молодая женщина и двое мальчишек. У женщины были светлые волосы, прозрачные русалочьи глаза и тонкий нос. Через нежную кожу проступали венки. У ее сыновей были Сашины озорные улыбки, но материнская тонкость черт и какая-то общая прозрачность. Саши на фотографии не было. Наверное, он снимал.

– Куда, Алис? Зачем? Я мясо как раз домариную и в духовку сейчас закину. Я знаешь, как готовлю – мозг отъешь!

– Где у вас туалет? – зачем-то спросила Алиса.

– Прямо по коридору.

Туалет был совмещен с ванной, и на полочках около раковины толпились банки и баночки, флаконы, тюбики, блистеры. Алиса взяла самую красивую банку, открутила крышку, понюхала. Пахло какой-то неопределимой, но приятной парфюмерной отдушкой. В стаканчике

торчали две веселых зубных щетки с головами динозавров. «Надо Тусику такую купить, когда все зубы дорежутся», – подумала Алиса.

Она зачем-то взяла с полки флакон духов и брызнула на себя. Пахло точно так, как должно пахнуть от такой ундины, как женщина с фотографии – морем, водорослями, солью и каким-то свежим фруктом. Может, айвой.

Аккуратным медленным движением, лишь бы не щелкнуть замком, Алиса открыла дверь ванной комнаты, и выскользнула в коридор. Она была совсем другой со своими каштановыми с рыжими бликами волосами, молочной кожей, ярким румянцем, сладкими терпкими духами – земная женщина, но этот чужой текучий запах дал ей секундную подводную легкость.

Незаметной рыбкой она проскользнула мимо кухни, мимо запаха начинающего созреть в духовке мяса, мимо большого Саша с сильными руками и детской улыбкой, одним движением сдернула с вешалки в прихожей свое пальто, схватила с козетки сумочку и, не дыша, легко справившись с замком входной двери, выскользнула из квартиры.

Прямо у комплекса останавливался автобус, он довез Алису до метро. Трясаясь в полупустом вагоне, она достала из сумки телефон, и нашла несостоявшегося любовника во всех соцсетях.

Ундины звали Ирина.

***

Если бы кто-то спросил Алису, зачем она все это делает, она не нашлась бы, что ответить. Зачем-то. Зачем-то она изучила все проявления ундины Ирины во всех уголках Интернета. Ирина была фотографом, поэтому уголков было много. Фотографии, такие же неуловимые и текучие, как ее духи, расползались по бесконечному множеству сайтов. Было даже пару выставок, какие-то награды. На своих личных страницах женщина писала мало. Делала какие-то обычные перепосты. Потребуем. Поможем. Пожертвуем. Своих фотографий или снимков с мужем Сашей не постила. Иногда выкладывала кадры мальчишек. На чужих фотографиях, где Ирина была отмечена, она всегда получалась хорошо, но как будто не до конца проявлено. Тонкие черты, бледная кожа, блуждающая полуулыбка.

Алиса листала страницы Ирины и нюхала запястье, на котором два дня держался фантомный след странных духов. С тех пор Алиса не брызгалась своими, хотела сохранить этот чужой запах. Водой он не смывался, вода была его стихией, и под струями душа запястье начало пахнуть сильнее.

– Поехать, что ли, на море, – подумала Алиса в очередной раз принохиваясь к соленому запаху.

Вместо этого она взяла Тусика, погрузила его в детское кресло, и поехала в Сашин жилой комплекс. Если бы Егор был дома и вдруг спросил бы, куда это они с Тусиком собираются, Алиса сказала бы, что гулять. В Воронцовский парк. Как обычно. Ты-то с нами в парках не гуляешь. Но Егор был на работе и ничего не спросил.

– У Лукоморья дуб зеленый. Златая цепь на дубе том... – преувеличенно бодро рассказывала Алиса Тусику, пока они рулили по Профсоюзной улице. – Русалка там, вот, на ветвях сидит.

– Вавава! – радостно отзывался Тусик, слюнявя очередную сушку.

– Вавава, – соглашалась Алиса.

Чем ближе они подъезжали к комплексу, тем больше Лукоморье в голове сменялось каким-то другим стихом из Алисиной филологической юности. Тот стих приходил отрывками, и приходил он, конечно, из-за первой строчки.

– Вновь я посетил, – бормотала под нос Алиса. – Вот я вновь посетил. Тататата любви, полуостров заводов, парадиз там какой-то еще и аркадия, но чего? Аркадия, вроде, фабрик...

Это точно был Бродский, какой-то ранний стих, из которого она помнила только эти первые обрывки фраз.

– Вот я вновь посетил, да, Тусик? – бормотала Алиса, паркуясь снаружи массивной кованой ограды комплекса. – Я вновь, а ты в первый раз. Сейчас как посетим с тобой, да?

Тусик что-то блаженно гулил в ответ. Он был рад приключениям, тем более, что они взяли с собой прекрасную желтую лопаточку, которой можно было раскидывать песок вокруг себя. С такой лопаточкой Тусик был готов посещать вообще что угодно.

Калитки в ограде вокруг комплекса реагировали на магнитные открывашки, но Алисе с Тусиком удалось просочиться – вот она, сила русалочьих духов – вслед за каким-то дяденькой в приличном костюме. Дяденька даже придержал им дверь. Он и предположить бы не мог, что Алиса с Тусиком тут чужие – они выглядели как девяносто процентов населения комплекса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.